

ЧЕТВЕРТЫЙ ИСТОЧНИК

Считается, что старая добрая неприязнь к евреям в России сегодня уже уступает неприязни к выходцам с Кавказа и Средней Азии. И хочется знать, как эти дела пойдут дальше, что ждет ксенофобию в нашей стране? Суждено ей шириться и крепнуть или, наоборот, угасать? И кому предстоит сделаться главной ее мишенью, а кому посчастливится переместиться на периферию ее опасного внимания? Ответить на этот вопрос невозможно, если верить, что ксенофобия порождается исключительно неприязнью к всему непохожему, «другому»: слышал ли кто-нибудь о вражде между блондинами и брюнетами, между легкоатлетами и боксерами? А несходство женщин с мужчинами просто-таки порождает их влечение друг к другу...

Причина всякой вражды – конкуренция, и только она. Но если придерживаться «материалистического» взгляда на человеческую природу, считать, что люди конкурируют лишь из-за материальных ценностей, то придется признать, что ксенофобия в огромной степени бессмысленна, ибо очень уж часто обращена на самых что ни на есть полезных и добропорядочных членов общества. Однако если понять, что психологические потребности для человека ничуть не менее важны, чем материальные, то сразу обнаруживается, что бессмысленных чувств человек испытывать просто не в состоянии, что все его враждебные эмоции всегда и безошибочно указывают на опасного конкурента в каком-то споре – «кто самый благородный?», «кто самый красивый?», «кто самый красноречивый?», «кто самый мудрый?», «кто самый многострадальный?»...

Этот безмолвный спор десятилетиями и ведут между собою армяне и азербайджанцы, израильтяне и палестинцы, арабы и американцы, русские и евреи... И особенно озлобленной при этом всегда бывает проигрывающая сторона.

Материальная же составляющая вовсе не создает эти конфликты, она лишь обостряет их. Обидно, но это так. Хотя ужасно не хочется понимать истинные мотивы ксенофобов – чтобы не подпасть под юрисдикцию поверхностных афоризмов «все понять – все простить», «что естественно, то не безобразно»... Мы все отлично понимаем ревнивца, однако и не думаем его прощать: за убийство из ревности преспокойно отправляем убийцу в тюрьму. И уж на что естественны физиологические отправления, но никому же не приходит в голову на этом основании справлять нужду публично!

Максима «все понять – всего избежать», разумеется, тоже неверна, однако, понимая конкурента, легче не раздражать его сверх необходимости, без пользы для себя. Зато враждовать становится намного труднее. Насколько проще жилось хотя бы и мне самому, когда я ничуть не сомневался, что антисемитами могут быть только завистливые бездарные подонки! Но годы работы в математике вынудили меня признать – нет, не то что и среди евреев хватает малоодаренных завистливых шустрил, это бы еще полбеды, никто и не говорил, что все евреи гении и святые, – хуже было то, что «русская» партия (пишем «русская» – читаем «антисемитская»), стремившаяся увеличить долю русских и, следовательно, уменьшить долю евреев в советской науке, могла с полным основанием похвастаться наличием в своих рядах и крупнейших ученых, у которых просто не было достойных объектов для зависти, и славных мужиков, нисколько не завистливых в своих личных трудах и заботах, – лично для себя они ничего особенного не желали. Хотелось считать их обманутыми, наивными, но, увы, они вовсе не были такими уж простодушными – они были и достаточно неглупыми, и лично не более корыстными, чем я сам.

Это было особенно неприятно.

Ведь всем нам свойственно детское желание видеть в своих недоброжелателях одно лишь бескорыстное стремление к злу, не имеющее никаких иных причин. Или, по крайней мере, имеющее только низкие мотивы, нам самим ничуть не свойственные, – ненависть к Другому, желание зачем-то отыскать врага, и притом непременно слабого... Однако взрослея, с горечью убеждаешь-

ся, что главное преступление твоих противников заключается в том, что они хотят ровно того же, что и ты сам, что они тоже хотят чувствовать себя красивыми, уважаемыми, защищенными...

Иными словами, если тебя ненавидят, то всегда за дело – за то, что ты представляешь угрозу каким-то жизненно важным интересам своих конкурентов. Но если угроза материальным интересам чаще всего вызывает только раздражение, то угроза жизненно важным иллюзиям, то есть святыням, вызывает именно «святую», на поверхностном уровне бескорыстную ненависть. Поскольку ничем иным, кроме ненависти, отторжения и принижения тех, кем они не разделяются, иллюзии защитить невозможно, – однако и прожить без иллюзий тоже невозможно, ибо в мире реальностей каждый человек и каждый народ слишком уж несовершенен и далеко не так, и далеко не столькими любим, как бы ему хотелось..

Страх за национальные химеры, или, более дипломатично выражаясь, страх за национальную культуру – вот главная причина антисемитизма. Ибо при всей общечеловечности «вершков» национальных культур, их «корешки» составляют полубессознательные предрассудки и предания народа, направленные на то, чтобы создать и подтвердить грезы о своей безупречности, избранности, исключительности. И если пришелец или потомок пришельцев не докажет своей преданности не только космополитическим вершинам национальной культуры, но и ее истокам, грезам о какой-то особой роли, особой возвышенности, особой униженности народа-хозяина, он будет ощущаться опасным чужаком. Так как в глубине души хозяин и сам чувствует, что защитить эти грезы невозможно ничем, кроме страстного желания, чтобы это было так, а не иначе.

Но никакие грезы не могут жить вечно – их разрушает научная критика, обновление традиционного образа жизни, приток носителей иных культур, преданных иным химерам, и каждый из этих факторов порождает собственное раздражение и собственную оборонительную реакцию, поскольку главная функция человеческой психики – самооборона, а развитие собственных познаний и понимание чужих интересов осуществляется по остаточному принципу. Страх перед научной критикой жизненно важных химер порождает романтическую ненависть к «бескрылому» рассудку, страх перед разрушительным обновлением порождает политический консерватизм, защищающий «старый добрый» уклад («лад»), страх перед чужаками, не имеющими причин верить и любить то, что лично им не приносит ничего хорошего, а скорее относит их к людям второго сорта, порождает стремление оградить свой дом от равнодушных («циничных») согладатаев. Но насколько же усиливается ненависть к чужакам, когда в них видят главных представителей еще и двух других разрушительных сил – скепсиса и обновления!

С европейскими евреями случилось именно это: они действительно сыграли видную роль и в обновлении жизненного уклада, и в становлении научной рациональности – интеллигентный еврей оказался един в трех лицах: скептика-рационалиста, модернизатора и чужака. Ошибка антисемитов заключалась только в том, что они воображали, будто без евреев новизна и рациональность просто не пришли бы в их старый добрый мир. Евреи представлялись юдофобам (и представляются сейчас) не просто активными участниками, но **создателями и лидерами** всех угрожающих их психологическому благополучию движений.

Мнимое лидерство – вот формула еврейского проклятия.

Ведь и сегодня в глазах исламского мира Израиль является авангардом Запада на Ближнем Востоке, не будучи им в реальности. Ненависть всегда рождает клевету, и евреям нужно как-то выпутаться из этой опаснейшей роли мнимого авангарда, ибо в роковую минуту истинный авангард скорее всего снова пожертвует ими ради собственных интересов.

Вспомним: в нацистских грезех евреи считались лидерами большевизации, но истинные вожди большевиков (СССР) в решительную минуту от них отвернулись, евреи одновременно считались и лидерами либерализации, но в этот же роковой миг от них отвернулись истинные лидеры либерального Запада с Америкой во главе, установив издевательские квоты, – и так, я думаю, будет всегда. Поэтому задача борцов с антисемитизмом состоит не в разоблачении антисемитских мифов (проигравшие всегда будут клеветать на тех, кто представляется им победителями, и верить этой клевете, иначе их картина мира станет слишком уж невыносимой), но в том, чтобы разрушить легенду о еврейском лидерстве. Тогда и острие исламистской, а также всякой иной консервативной пропаганды перенесется на более безопасные для евреев мишени. И при этом более защищенные. Ибо источником антисемитской химеры, повторяю, является греза о еврейском всемогуществе. Преувеличенная ненависть является следствием преувеличенного страха.

Изображая евреев умными и добропорядочными, мы только пробуждаем ревность. Страх перед евреями, а стало быть, и неприязнь к ним может ослабить только образ еврея доверчивого, бестолкового, *своего*... Всем довольного, ничего не ищущего, ничего и никого не презирающего... Вроде того Абрамушки-дурака, которого с таким успехом играет артист Стругачев.

Ксенофобия – это естественно, хотя и безобразно. И ее будущее в нашей стране, равно как и во всем мире, зависит от полноводности трех ее составных источников, чьи имена Рационалистический Скепсис, Обновление и Культурная Чуждость. Выходцы с Кавказа и Средней Азии едва ли будут ощущаться агентами Скепсиса или Обновления – разве что его следствиями, против них работает скорее Культурная Чуждость. А Обновление, возможно, вообще надолго иссякнет, если мы действительно вступили в эру «стабильности». Поэтому еврейский скепсис начнет раздражать более идеологов, а участие в будничной экономической жизни «чужаков с юга» больше будет раздражать «простого человека».

Иными словами, антисемитизм в России станет уделом аристократов духа.

А вот в консервативной Америке он будет подпитываться, скорее, первым источником – неприязнью к либеральному рационализму, тогда как в либеральной Европе ненависть ксенофобов скорее всего будет сосредотачиваться на южанах. В рационалистическом скепсисе их обвинить, конечно, трудно, но обновление образа жизни они несут хотя бы одним только демографическим напором, соединенным с культурной чуждостью. Ввиду этой очевидной даже рядовому обывателю опасности для сложившегося уклада классический антисемит станет приобретать черты своего рода реакционного романтика, этакого Дон Кихота, бросающего вызов давно исчезнувшим великанам.

Тем легче гуманным европейцам будет каяться перед истребленными (уже не опасными) евреями и негодовать на живых, ведущих реальную борьбу не на жизнь, а на смерть: как предшественникам современных европейских антисемитов казалось, что если бы не евреи, то схватки между трудом и капиталом удалось бы избежать, так им самим грезится, что если бы не еврейский форпост на Ближнем Востоке, то и конфликт модернизированного и не модернизированного мира удалось бы спустить на тормозах.

И усиленное покаяние перед мертвыми евреями служит отличным прикрытием неприязни к живым.

Я пишу эти слова без всякого негодующего пафоса, ибо почти никто из людей и уж точно ни один народ не способен искренне покаяться, то есть до конца дней жить с чувством совершенного греха. Самое большее, на что все народы бывают способны, это объявить себя жертвами каких-то негодяев, чтобы, отсекая их от своего мгновенно очистившегося тела, снова сделаться навеки безупречными. И вот этому-то сладостному чувству обновленной безгрешности и мешают те, кто цепляется за старые грехи, напоминая и миру, и самому грешнику о неприятном прошлом, о котором, если бы не это дурачье, давно забыли бы. «Неонацисты компрометируют нас всех» – они являют собой неприятнейший намек, что покаяние так до конца и не состоялось. Обрушиваясь на них, либералы защищают вовсе не евреев, а самих себя, свой собственный душевный покой.

И это тоже совершенно естественно – думать прежде всего о собственной шкуре. Я сам таков, и никого не собираюсь обличать. Но вот когда «покаявшихся» немцев начинают приводить в пример «непокаявшимся» русским, ничего, кроме ревности и желания вытащить наружу побольше чужих грехов, из этого произойти не может.

И уж евреям заниматься этими сопоставлениями следует в последнюю очередь – защищать тех, кто в твоей защите не нуждается и думает только о себе, не только опасно, но и крайне наивно.

Понятно, что каждая нация стремится идеализировать себя, но стоит ли евреям идеализировать другой народ только из-за того, чтобы уязвить им третий? И уж совсем стыдно верить в собственную пропаганду – коммунисты и фашисты до такой пошлости никогда не опускались.

Эта новейшая форма мнимого лидерства – лидерства в обличениях – способна к трем классическим источникам юдофобии добавить и четвертый.